

ЗАКРЫВАЯ КНИГУ БЫТИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Муравьёв

18+

Виктор Муравьев

Закрывая книгу бытия

<https://litres.ru/74609348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что получится, если смешать чёрный юмор, трагикомедию, мистику и немного философии?

Возможно, история о людях, которые пытаются разобраться в происходящем, хотя далеко не всегда понимают даже самих себя.

Здесь обыденное соседствует с необъяснимым, нелепое — с трагическим, а серьёзные вопросы порой возникают при самых неподходящих обстоятельствах.

Книга для тех, кто любит абсурдный юмор, неоднозначные истории и философские размышления без обязательных ответов.

Впрочем, искать здесь ответы никто и не обещал.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	58
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виктор Муравьёв

Закрывая книгу бытия

Глава 1

Вечер опускался на старый парк с той неспешностью, с какой время приходит к людям, давно переставшим его замечать. Солнце догорало за крышами домов, оставляя на горизонте тонкую полосу багрянца. Ветер бродил между деревьями, перебирая пожухлую листву, словно страницы давно забытой книги. Где-то в отдалении слышался детский смех, скрипели качели, изредка раздавались шаги прохожих. Но здесь, в глубине аллеи, всё это звучало приглушённо, будто принадлежало совсем другому миру.

На одной из скамеек, под старым раскидистым клёном, сидел мужчина.

На первый взгляд в нём не было ничего примечательного. Таких людей взгляд обыкновенно обходит стороной, не задерживаясь даже из любопытства. Потрёпанное пальто, некогда, должно быть, добротное, теперь висело на нём бесформенной тяжестью. Воротник был засален, рукава истёрты, а на ботинках засохла грязь, собранная, казалось, со всех дорог, по которым ему доводилось ходить. Волосы, давно не знавшие расчёски, беспорядочно спадали на лоб. На лице ле-

жала усталость, которую не смыть водой и не прогнать сном.

Возраст его было трудно угадать. В нём одновременно угадывались и молодость, ещё не успевшая окончательно уйти, и какая-то преждевременная старость, поселившаяся не в чертах лица, а глубже — во взгляде, в движениях, в привычке сидеть неподвижно, словно ожидание давно стало его единственным занятием.

Перед ним, на коленях, лежал смятый лист бумаги.

Бумага была грязной, с пожелтевшими краями, с тёмными пятнами неизвестного происхождения. Она, должно быть, не раз побывала в карманах, пережила дождь, холод и неосторожные прикосновения. Мужчина придерживал её левой рукой, а правой медленно водил коротким карандашом, от которого осталась едва ли половина.

Он писал.

Иногда карандаш останавливался над листом, и тогда мужчина поднимал глаза, обращая взгляд куда-то поверх деревьев, туда, где между чёрными ветвями уже проступало вечернее небо. Казалось, он прислушивался к чему-то такому, чего не могли услышать ни прохожие, ни птицы, ни сам ветер.

Временами его губы беззвучно шевелились. Он перечитывал написанное, хмурился, зачёркивал целые строки, а потом вновь принимался писать, будто пытался отыскать не слова, а некую истину, ускользавшую всякий раз, когда он подбирался к ней слишком близко.

И на измятой бумаге, среди неровных строчек и карандашных исправлений, постепенно рождалось стихотворение.

Кроваво-красная луна
Багрянцем небо озаряла.
О берег бились черепа,
И только тьма там пировала.

Но свет, затерянный во мгле,
Сквозь тени робко пробивался.
Он, словно зная тайный грех,
Над тьмой безмолвно усмехался.

А на востоке, среди полей,
Где ветер гнал сухие травы,
Стоял бездушный древний храм,
Лишённый имени и славы.

Там подношениям не знали меры,
Там очи жаждали даров.
И гасли под его ступенями
Следы забытых всех богов.

У первых лестничных ступеней
Сидела Судьба, склонив свой взор.
Она видала столько поколений,

Что ей наскучил вечный спор.

Она смотрела, как во мраке
Сходились свет и тень не раз,
И как сливались их улыбки
В один чудовищный оскал.
Оскал того, кто без сомненья

Над всякой участью стоял,
Кого за вечное терпенье
Весь смертный мир Жизнью называл.
А путник шёл. И с каждым шагом

Ему понятнее становилось,
Зачем вернулся он с далёких северных земель,
И что за сила здесь сокрылась.
Он шёл по лестнице столетий,

Где прах богов покоился в пыли,
Где мощи всех забытых верований
И реликвии всех религий путь его устлали.
Он видел царства, обращённые в песок,

И алтари, лишившиеся веры.
Он шёл, хоть путь казался бесконечным,
Сквозь шторм веков, сквозь мрак и перемены.

И там, где времени уже не стало,

Где вечность замерла у края бытия,
Ему открылся трон, укрытый тишиною,
На коем восседала сама Жизнь.
Не царь, не бог, не грозный повелитель —

Она сидела, глядя в пустоту.
А рядом зверь, прикованный цепями,
Взирал на мир, храня свою тоску.
Во взгляде зверя не было ни злобы,
Ни жажды крови, ни слепой вражды.

Он просто наблюдал за всем живущим,
Как наблюдают вечные часы.
И Жизнь, заметив беспокойство зверя,
Слегка натянула тяжёлую цепь.

Коснулась гривы, будто старого товарища,
И молвила негромко:
— Ну тише, тише, брат. Успеешь.
А путник, приподнявшись на колени,

Страхнул дорожный прах с одежд.
И, посмотрев на трон, спросил устало:
— Скажи, владыка мира,

Зачем так близок ты ко мне,

Когда дорога столь бескрайня?

Зачем сквозь столько долгих лет

Я шёл к тебе, не зная тайны?

Тут зверь затих. Поднял глаза,

На Жизнь взглянул почти с укором.

И, усмехнувшись, произнёс:

— А я всегда был рядом, друг.

И в каждом вздохе, в каждом шаге.

То ты искал меня вдали,

Не замечая на пороге.

Путник опустил глаза.

Взглянул на собственные руки,

На следы скитаний и труда,

На незаметные отметины разлуки.

— Я долго шёл, — промолвил он.

— Страдал, терял и удивлялся.

Я столько раз тебя призывал,

И столько раз к тебе взывал,

Но ты, хоть рядом находился,

Казалось, вовсе не слышал.

Тогда сама Жизнь усмехнулась.

Не зло, не горестно — слегка.
И указала вдаль рукою,
Где исчезала в сумраке тропа.
— Я слышала тебя всегда.
Я знаю всех. И всё мне ясно.

Но есть вопросы, на которые, увы,
Нельзя ответить даже властью.
Тебя там ждёт немой ответ.
И ты поймёшь его однажды.

Когда поймёшь, что вечен свет,
Пока во тьме он кем-то жаждет.
И путник молча развернулся.
Собрался вновь сойти во тьму.

Но на мгновение задержался,
Словно припомнив мысль одну.
— Скажи ещё, пока я здесь:
Когда закончится сражение?

Когда во тьме угаснет свет
Иль свет рассеет мрак сомнений?
И будет ли конец у спора,
Что длится дольше всех миров?

Ведь человек, несчастный, слабый,
К подобной истине не готов.
Тогда Жизнь тихо рассмеялась.
Не смехом бога, не царя.

Как мать, что знает все тревоги
Своего непослушного дитя.
И, наклонившись, прошептала
С такой спокойной добротой:
— Пускай решают тьма и свет,

Кому достанется победа.
Пускай ведут свой вечный спор,
Пока вращаются планеты.
А человек...
Она умолкла на мгновенье,
Взглянув на путника с теплом.
— А человек всегда готов.

Последняя строка далась мужчине не сразу.

Он несколько раз провёл карандашом по бумаге, усиливая нажим, будто хотел придать словам вес, которого они не имели, пока оставались только мыслью. Затем долго смотрел на написанное, и на лице его проступила странная, едва заметная улыбка.

Не радостная. Скорее улыбка человека, который только

что задал вопрос, но уже знает, что ответ ему не понравится.

Ветер шевельнул край листа. Мужчина придержал его ладонью.

К этому часу парк почти опустел. Фонари один за другим зажигались вдоль аллей, высвечивая островки асфальта, мокрые листья и спинки скамеек. Где-то прошуршали шины проезжавшей машины. Вдалеке залаяла собака.

И именно тогда мимо проходил Сергей Борисович.

Это был пожилой художник, человек с седыми висками, тяжёлым взглядом и той особенной осанкой, которая сохраняется у людей, привыкших всю жизнь смотреть на мир внимательно, но редко оставаться довольными увиденным. Он шёл неторопливо, заложив руки за спину. На его старом пальто виднелось несколько пятен краски, а из-под мышки выглядывал край потёртого альбома.

Сергей Борисович любил этот парк. Вернее, любил его прежним — когда деревья казались выше, люди приветливее, а будущее ещё не успело обмануть возложенных на него надежд.

Он заметил сидящего на скамейке мужчину.

Сначала скользнул по нему рассеянным взглядом, затем задержался. Осмотрел засаленное пальто, грязные ботинки, нечесанные волосы, бумажку на коленях и жалкий огрызок карандаша.

В его глазах мелькнуло нечто среднее между презрением и усталостью.

Он слегка качнул головой, будто увидел перед собой ещё одно подтверждение давно сделанного вывода, и произнёс с тяжёлым, почти торжественным разочарованием:

— Просрали страну.

Слова прозвучали отчётливо, без всякого обращения, словно были адресованы не столько человеку на скамейке, сколько всему окружающему миру.

Не ожидая ответа, Сергей Борисович пошёл дальше. Его шаги размеренно застучали по дорожке и вскоре затихли за поворотом аллеи.

Мужчина перестал писать.

Он медленно поднял голову и посмотрел вслед удаляющемуся художнику.

Некоторое время он молчал. Потом уголок его рта дрогнул, будто он хотел усмехнуться, но передумал.

— Ну вот ты-то, наверное, и знаешь, как правильно, — негромко произнёс он себе под нос.

В голосе его не было ни злости, ни обиды. Только едва уловимая насмешка — не столько над прохожим, сколько над странной человеческой привычкой безошибочно судить обо всём, чего мы так и не сумели понять.

Глава 2

Сергей Борисович не любил людей не потому, что люди сделали ему что-нибудь особенно дурное. Было бы даже приятно иметь такую причину — весомую, литературную, с предательством, разбитой любовью или хотя бы украденным велосипедом.

Нет.

Люди просто слишком много разговаривали.

Особенно те, которым казалось, что молчат они исключительно содержательно.

Поэтому Сергей Борисович предпочитал квартиру.

Вернее, комнату.

Квартира была коммунальной и принадлежала всем понемногу, отчего в действительности не принадлежала никому. Длинный коридор с вытертым линолеумом, кухня, где каждая кастрюля имела хозяина, история которого была длиннее истории самой кастрюли, ванная с вечным жёлтым пятном под краном и пять дверей, за которыми существовали пять отдельных государств.

Шестым государством была комната Сергея Борисовича.

Государство это не признавало дипломатических отношений.

На двери даже имелся звонок, но Сергей Борисович много лет назад перерезал один провод и теперь чрезвычайно ува-

жал это маленькое техническое решение.

Комната пахла маслом, растворителем, старой бумагой и ещё чем-то трудноопределимым — запахом жилья, которое слишком долго принадлежало одному человеку. У стены стояли холсты. Некоторые лицом к комнате, некоторые лицом к обоям. Последних было больше.

Законченные картины Сергей Борисович не любил.

Пока картина не закончена, она ещё может стать хорошей.

После — уже никаких оправданий.

У окна стоял мольберт, покрытый таким количеством пятен, что при известной наглости его самого можно было выставлять на продажу. Рядом на табурете лежали кисти. В стеклянной банке темнела вода, давно переставшая быть водой в общепринятом смысле этого слова.

Работал Сергей Борисович, когда хотелось.

Хотелось редко.

Деньги от этого появлялись ещё реже.

Иногда кто-нибудь находил его через кого-нибудь. Простили портрет по фотографии, пейзаж на юбилей, любимую дачу с берёзкой, покойного кота, живого кота или живого мужа, которого почему-то обязательно требовалось сделать моложе.

Сергей Борисович соглашался не всегда.

Не из гордости.

Гордость требует сил.

Просто некоторые люди уже после трёх минут разгово-

ра производили на него такое впечатление, что брать у них деньги казалось слишком тесным видом общения.

Когда становилось совсем туго, он выбирался в парк.

Там Сергей Борисович ставил складной стул, укреплял на планшете бумагу и вывешивал картонку с ценой. Цену периодически приходилось менять, поэтому цифры на картонке были написаны поверх других цифр, а под ними угадывались ещё более древние цифры — почти археология.

Люди садились напротив.

Вот это Сергей Борисович терпел.

Человек, которому рисуют портрет, хотя бы некоторое время старается сидеть молча.

Однажды к нему опустился на стул грузный мужчина в дорогой куртке. Минут пять он честно выдерживал тишину, потом всё-таки не справился.

— Художник, значит? — спросил он, следя глазами за карандашом Сергея Борисовича.

Сергей Борисович чуть наклонил голову, прищурился и стёр большим пальцем слишком жирную линию на бумаге.

— Бывают такие слухи.

Мужчина хмыкнул, но от дальнейших расспросов это его не спасло.

Ещё через несколько минут он обратил внимание на руки художника. На пальцах Сергея Борисовича осталась краска, под ногтями сидела въевшаяся чернота, а кожа была сухой и красной.

— Выпиваете?

Карандаш остановился.

Сергей Борисович поднял глаза и посмотрел на мужчину уже не как художник на натуру, а как человек, которого только что спросили, пользуется ли он воздухом.

Потом уголок его рта пополз вверх.

— Что вы, — сказал он, снова принимаясь за рисунок. — Я не страдаю алкоголизмом. Я им наслаждаюсь.

Мужчина засмеялся.

Сергей Борисович тоже улыбнулся.

Только мужчина через минуту забыл эту шутку, а Сергей Борисович — нет.

Он вообще повторял её часто.

Хорошая была фраза.

Удобная.

Некоторые фразы похожи на занавеску: висит себе кусок ткани, смешной узор, ничего особенного, а за ним можно годами не мыть окно.

С памятью на всё остальное дела обстояли несколько хуже. Сергей Борисович мог годами помнить удачную фразу, но при этом совершенно забыть, зачем подошёл к окну или с кем разговаривал пять минут назад. Иногда собеседник ещё стоял перед ним, а художник уже с искренним недоумением пытался определить, откуда взялся этот человек и почему считает возможным продолжать разговор.

Подобные случаи Сергей Борисович называл творческой

деменцией. По его убеждению, голова художника не обязана хранить всякую постороннюю чепуху: ей необходимо место для образов, красок и важных мыслей, которые, правда, он тоже порой забывал. Особенно удобным в этой теории представлялось то, что внезапные провалы памяти не требовали ни объяснений, ни извинений перед окружающими.

К вечеру Сергей Борисович обычно возвращался домой.

Он проходил знакомый двор, не здороваясь с теми, кого знал, и старался не знать тех, с кем пришлось однажды поздороваться. Поднимался по лестнице, где на втором этаже всегда пахло жареным луком, а на третьем — кошками, отпирали дверь коммуналки и первым делом прислушивался.

Если в коридоре никого не было, день можно было считать удачным.

Он быстро проходил к себе, закрывал дверь и поворачивал ключ.

Щёлк и всё. Мир оставался снаружи. По крайней мере, Сергей Борисович привык так думать.

Вернувшись в комнату, Сергей Борисович первым делом опустил в старое кресло напротив телевизора. Телевизор был ещё тех времён, когда вещи делали с расчётом пережить хозяина: тяжёлый, в деревянном корпусе, с выпуклым серым экраном и тугим круглым переключателем каналов. Сергей Борисович вытянул руку и повернул его на одно деление.

Внутри сухо щёлкнуло.

Экран, разумеется, не загорелся.

Телевизор уже много лет даже не был включён в розетку, и Сергей Борисович прекрасно это знал. Более того, именно таким он ему и нравился. Телепередачи его не интересовали, новости раздражали, человеческие голоса утомляли быстрее любой физической работы, а вот сам переключатель он любил. В этом тугом механическом щелчке было что-то успокаивающее, окончательное, словно каждый поворот ручки выключал ещё одну часть окружающего мира.

Он повернул её снова и посмотрел на тёмный экран.

Из чёрного стекла на него глядело собственное отражение — неясное, чуть расплывшееся, будто Сергей Борисович находился не в комнате, а где-то по другую сторону воды. Обычно ему хватало нескольких минут, чтобы эта случайная иллюзия начала работать. Стены понемногу отходили прочь, пропадали мольберт, шкаф, дверь в коммунальный коридор, соседи, кухня, чужие кастрюли и вечные разговоры за стеной. Оставался только остров, который он придумал себе давным-давно и с тех пор почти не менял.

Остров был необитаемым.

Это являлось главным его достоинством.

Сергей Борисович никогда не придумывал ему ни названия, ни точного места на карте. Стоило дать острову название, как вслед за ним неминуемо возникали бы страна, порт, пароходы, пограничники и прочая человеческая деятельность. Поэтому вокруг была просто вода. Она подходила к берегу, негромко шелестела по песку и уходила обратно, а

потом возвращалась снова. Больше ничего не происходило.

Иногда Сергей Борисович мог сидеть так довольно долго, глядя в выключенный телевизор и представляя этот берег. Ему нравилась мысль, что где-то существует место, где от него никто ничего не хочет. Никому не нужен портрет. Никому не требуется одолжить денег. Никто не спрашивает, почему он опять не позвонил, куда пропал, чем занят и собирается ли вообще что-нибудь делать со своей жизнью.

На острове подобные вопросы не водились.

Он наклонился к тумбочке и достал бутылку коньяка. Рядом стояла обыкновенная чайная кружка — когда-то белая, с голубыми цветами, от которых за долгие годы остались лишь бледные пятна. Сергей Борисович налил немного и отпил.

Рюмок он не любил. Рюмка почему-то всегда требовала события. Человека рядом, тоста, причины, хотя бы самого незначительного праздника. Кружка никаких условий не ставила. Из неё можно было пить чай, воду, коньяк и собственную жизнь, если та вдруг решила пойти именно таким путём.

Коньяк обжёг горло привычным теплом. Сергей Борисович откинулся на спинку кресла и некоторое время держал кружку обеими руками, чувствуя, как постепенно отпускает напряжение дня. Потом потянулся к книге, лежавшей возле телевизора.

Это была толстая советская «Владимир Ильич Ленин. Биография».

Книга прожила рядом с Сергеем Борисовичем почти десять лет и за это время осталась практически непрочитанной. Впрочем, нельзя было сказать, что он ею совсем не пользовался. Почти каждый вечер она лежала у него на коленях, и почти каждый вечер раскрывалась на одной и той же странице.

Переплёт давно запомнил это место.

Стоило Сергею Борисовичу взять книгу в руки, как она сама тяжело раскрывалась где-то посередине, будто упрямо предлагала продолжить прерванное чтение. За десять лет он так и не продолжил.

Поначалу он ещё иногда пытался. Пробегал глазами первые строки, добирался до середины абзаца, отвлекался на какую-нибудь мысль, делал глоток, снова смотрел в телевизор — и на этом знакомство с Владимиром Ильичом заканчивалось. Постепенно попытки прекратились совсем.

Но книгу он не убрал.

Ему нравилось держать её в руках.

В этом занятии было что-то порядочное, почти интеллигентное. Если бы кто-нибудь заглянул в комнату, он увидел бы немолодого художника в кресле, с серьёзной исторической книгой на коленях. Человек читает. Думает. Возможно, размышляет о судьбах государства.

То, что человек на самом деле уже десять минут смотрит на одно тёмное пятнышко возле поля страницы и время от времени отпивает коньяк из чайной кружки, со стороны бы-

ло совершенно не обязательно замечать.

Сергей Борисович устроил книгу поудобнее, сделал ещё один глоток и медленно выдохнул.

Комната затихала вместе с ним.

За стеной кто-то прошёл по коридору, скрипнула половица, потом всё снова стихло. Сергей Борисович не поднял головы. Он смотрел вверх раскрытой книги на собственное отражение в телевизоре, и через несколько мгновений стекло снова стало похоже на тёмную воду.

Где-то за ней начинался его остров.

Вода тихо накатывала на берег и уходила обратно, не требуя ответа.

Сначала Сергей Борисович даже не понял, что к воображаемому плеску прибавился настоящий дождь. Несколько капель тронули стекло, замолчали, будто передумали, потом застучали снова, уже настойчивее. Через минуту по окну побежали тонкие дорожки, а ещё через несколько дождь разошёлся окончательно и принялся хлестать по подоконнику с той деловитостью, какая бывает только у природы, когда она наконец решила заняться чем-нибудь всерьёз.

Где-то далеко прокатился гром.

Сергей Борисович чуть приподнял глаза от книги. Окно напротив на мгновение посветлело, за ним проступили мокрые стены соседнего дома, крыши, провода, верхушки деревьев, а потом всё снова растворилось в вечерней серости.

Штор у него не было. Тюля тоже.

Шторы Сергей Борисович считал вещью почти безобразной, хотя объяснить это трезвому человеку ему удавалось редко. Сам вид из окна он вовсе не любил. Смотреть там было особенно не на что: дома, гаражи, фонари, какие-то хозяйственные постройки, асфальт, столбы и прочие доказательства того, что человечество однажды добралось и до этого места.

Но именно это ему почему-то и нравилось.

Не красота — старание.

Кто-то ведь поднялся утром, натянул штаны, вышел на улицу и начал строить. Кто-то таскал кирпичи, кто-то варил железо, кто-то лез на столб, кто-то прокладывал дорогу, а кто-то придумал окно, через которое теперь Сергей Борисович мог на всё это смотреть. Человечество вообще обладало удивительной способностью портить почти всё, до чего дотягивалось, но хотя бы дотягивалось. Пыталось. Вставало с дивана, брало в руки молоток и зачем-то било им по миру, надеясь, что получится лучше.

А потом человек приходил домой и завешивал всё это шторой.

Вот этого Сергей Борисович понять не мог.

Получалось даже как-то невежливо. Люди несколько тысяч лет строили цивилизацию, возводили города, прокладывали улицы, изобретали электричество, стекло и бетон, а ты одним движением задёргивал цветочек на карнизе и сообщал всему человеческому прогрессу, что сегодня смотреть

на него не намерен.

Подобные рассуждения особенно легко приходили Сергею Борисовичу после второй бутылки коньяка.

Тогда многие предметы обнаруживали скрытый нравственный смысл. Шторы становились предательством цивилизации, табуретка — торжеством инженерной мысли, а дверная ручка при должном настроении могла привести к довольно обстоятельным выводам о свободе воли.

Сергей Борисович сделал ещё глоток и снова опустил глаза к раскрытой книге.

Гром приближался. Теперь он уже не ворчал где-то за горизонтом, а прокатывался над крышами тяжёлыми долгими раскатами. Молнии время от времени заливали комнату резким белым светом, на секунду выхватывая из полумрака мольберт, шкаф, край кровати и холсты у стены.

Во время одной из таких вспышек Сергей Борисович краем глаза заметил человека.

Кто-то стоял неподалёку от окна.

Он повернул голову почти без поспешности.

В комнате никого не было.

Сергей Борисович задержал взгляд на пустом месте, подумал секунду, затем пожал плечами и снова взялся за кружку.

Подобными вещами его было трудно удивить.

После долгих запоев сознание порой устраивало ему небольшие представления без билетов и предупреждения, и за годы Сергей Борисович научился относиться к ним с опре-

делённым терпением. Его пугало уже не столько появление чего-нибудь невозможного, сколько вероятность, что невозможное окажется разговорчивым.

У таких видений имелось собственное название.

Белчачьи мысли.

Теория возникла однажды совершенно случайно и с тех пор очень ему понравилась. Сергей Борисович предположил, что никакой «белочки» в привычном понимании вообще нет. Просто где-то в лесах живут миллионы настоящих белок, у каждой из которых имеются свои крошечные беличьи фантазии, тревоги, сны и совершенно непонятные человеку желания. А творческие люди в определённом состоянии вдруг каким-то образом подключаются к этому огромному пушистому коллективному разуму и начинают видеть то, что обычно доступно только белкам.

В таком случае выражение «поймать белочку» наконец приобретало научную стройность.

Почти.

Сергей Борисович, разумеется, понимал, что теория его не выдерживает никакого столкновения с действительностью. Однако действительность вообще слишком часто была скучнее хорошей теории, поэтому спорить с собой он не собирался.

Он ещё немного посидел над книгой, снова перестав видеть напечатанные строки, и вернулся мыслями к острову.

Наверное, завтра стоило поискать ракушки.

Почему до сих пор там не было ракушек, Сергей Борисович не понимал. У любого приличного необитаемого острова обязаны быть ракушки. Можно было бы собрать несколько вдоль берега, положить возле жилища, одну оставить особенно красивую — большую, белую, с розоватым нутром. Возможно, приложить её к уху, хотя слушать море, стоя посреди моря, было занятием несколько избыточным.

Молния ударила снова.

На этот раз человек возник совершенно отчётливо.

Он стоял там же.

Сергей Борисович успел увидеть плечи, голову, руки и неподвижный силуэт, обращённый прямо к нему. Вспышка погасла, комната снова стала тёмной, но увиденное не исчезло вместе со светом так легко, как ему следовало бы.

Сергей Борисович медленно отнял кружку от губ.

Нет.

На белчачью мысль это было не похоже.

Свои белчачьи мысли он всё-таки знал.

Сергей Борисович снова посмотрел туда, где только что стоял человек.

Пусто.

Он подержал взгляд ещё несколько секунд, потом медленно кивнул в сторону окна, будто молния только что высказала вполне разумное соображение.

— Согласен, — сказал он. Подумал и добавил уже с большей убеждённостью: — Даже немножко категорически со-

гласен. Впору закусывать.

Книга была отложена на подлокотник, и Сергей Борисович поднялся.

У дальней стены стояла небольшая тумбочка из тех, какие невозможно представить себе купленными добровольно. Серый шпон, металлическая ручка, царапины по углам и маленькое тёмное пятно сверху, происхождение которого Сергей Борисович предпочитал не выяснять.

Тумбочку много лет назад подарил ему старый знакомый. Слово «подарил», впрочем, требовало некоторого снисхождения к фактам, поскольку сам знакомый предварительно украл её из поликлиники, где работал, по собственному выражению, техническим специалистом.

На деле он был слесарем.

Сергей Борисович никогда его за это не поправлял. В конце концов, если человек способен вынести из поликлиники целую тумбочку и при этом продолжать считать себя техническим специалистом, значит, определённая широта профессионального мышления у него всё-таки имеется.

Он открыл дверцу.

Внутри лежали несколько пачек лапши быстрого приготовления, хлеб, банка чего-то, к чему Сергей Борисович давно утратил доверие, и пачка соли.

Он достал доширак, разорвал упаковку и отломил от сухого брикета кусок.

Запаривать лапшу Сергей Борисович не любил.

Общая кухня, конечно, играла в этой неприязни определённую роль. Ради кипятка пришлось бы выйти из комнаты, встретить кого-нибудь в коридоре, возможно, даже поздороваться. При особенно неблагоприятном стечении обстоятельств разговор мог продолжиться.

Но главной причиной Сергей Борисович считал совсем не это.

Вода портила доширак.

Она размягчала его, лишала хруста, размывала специи и вообще превращала вполне самостоятельную пищу в унылую горячую массу. Сергей Борисовичу нравилось думать, что, поедая лапшу сухой, он возвращается к чему-то древнему и первобытному. Человек, добывший пищу, не обязан был искать чайник. Он добывал её и ел.

Так жили предки.

Вероятно.

Мысль о том, что ему просто лень идти за кипятком, Сергей Борисович тоже допускал, но находил её значительно менее интересной.

Он откусил ещё кусок. Сухая лапша громко захрустела во рту.

За окном снова вспыхнуло, почти одновременно загремело, и в комнате на мгновение проступили все вещи сразу — резко, бело, будто кто-то сделал фотографию.

На этот раз никакого человека Сергей Борисович не увидел.

Он продолжил жевать.

И тогда из темноты прозвучал голос.

— Подойди к окну.

Голос был тихим, хрипловатым и каким-то неприятно близким. Не из коридора, не за стеной и не с улицы. Он прозвучал именно в комнате.

Сергей Борисович замер всего на мгновение.

Потом спокойно дожевывал лапшу.

Торопиться он не любил даже перед лицом необъяснимого.

Он сделал ещё глоток из кружки, провёл языком по зубам, освобождая застрявшую крошку, и только после этого оглядел комнату.

— Я сам сейчас кокну, — сообщил он неизвестно кому, слегка приподняв кружку. Затем нахмурился и уже серьёзнее спросил: — Кто здесь?

Ответ прозвучал почти сразу, будто неизвестный только и ждал, когда его наконец спросят.

— Здесь сам легион.

Сергей Борисович медленно перевёл взгляд на окно.

Дождь изменился.

По стеклу теперь стекало что-то густое и тёмно-красное, а за ним исчезли соседние дома, гаражи, фонари и весь знакомый унылый пейзаж, который ещё несколько минут назад служил ему доказательством человеческого трудолюбия. Вместо них до самого горизонта простиралось нечто, боль-

ше похожее на конец света, чем на Ленинградскую область. Небо полыхало тяжёлыми вспышками, земля терялась в багровой мгле, и даже расстояние там казалось каким-то неправильным, словно мир за окном внезапно перестал соблюдать собственные размеры.

Сергей Борисович некоторое время смотрел на происходящее, пожёывая.

Потом цокнул языком.

Опустил глаза на пачку доширака в руке, внимательно осмотрел её и нахмурился с таким видом, словно обнаружил наконец единственную разумную причину происходящего.

— Вот зараза, — пробормотал он. — Бракованный оказался.

Он положил лапшу на тумбочку, допил из кружки остаток коньяка и ещё раз посмотрел в окно. Апокалипсис никуда не делся.

Это было неприятно, но не настолько, чтобы менять планы.

— Ладно, — сказал Сергей Борисович, поднимаясь. — Пойду пописаю.

Он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь, оставив легион, кровавый дождь и конец света немного подождать.

Глава 3

В коридоре было темно, и Сергей Борисович, выйдя из комнаты, некоторое время шарил ладонью по стене, пока не нашёл выключатель. Под потолком вспыхнула лампочка, осветив длинный коммунальный коридор тем жёлтым светом, при котором даже недавно вымытый пол выглядел виноватым.

До туалета было несколько шагов.

Сергей Борисович вошёл, привычно оставил дверь открытой и занялся делом. Закрывать её особого смысла не было: щеколда давно не работала, а придерживать дверь ногой ради приличий он считал чрезмерной уступкой обществу.

Где-то за спиной зашаркали тапочки.

Он услышал их приближение, но оборачиваться не стал. Тапочки эти он знал не хуже собственных.

Нина Ивановна появилась в коридоре в своём неизменном халате, прошла было мимо туалета, однако уже через шаг остановилась. Сергей Борисович увидел боковым зрением, как она медленно подалась назад и заглянула внутрь.

Несколько секунд соседка молча оценивала открывшуюся ей картину, затем упёрла ладонь в косяк.

— Вот оболтус ты, а, — произнесла она наконец с той усталой укоризной, какую обычно приберегают для человека, которого уже поздно воспитывать, но ещё можно изво-

дить. — Дверь-то чего настезь? Вся квартира должна твои водопады слушать?

Сергей Борисович продолжал смотреть перед собой, словно разговор происходил где-то далеко и касался совершенно другого человека.

— Щеколда не работает, Нина Ивановна, — объяснил он, немного помедлив. — Уже столько лет не работает, что поздно вмешиваться. У неё, можно сказать, сложившаяся судьба.

Он задумчиво посмотрел на маленький металлический язычок на двери и добавил:

— А чинить я не умею. Образования соответствующего не получил.

Нина Ивановна нахмурилась.

Она шагнула ближе, взялась за щеколду и подвигала её пальцем сначала в одну сторону, потом в другую.

— Как это не работает? — недоверчиво спросила она, уже совершенно забыв, что Сергей Борисович в данный момент может иметь собственные планы относительно помещения.

— Я же закрывала её.

Сергей Борисович покосился через плечо.

— Когда?

Нина Ивановна ещё раз дёрнула металлический язычок и замерла, припоминая.

— Вчера.

Она поджала губы.

— Хотя нет.

На лице её появилось раздражение человека, которому зачем-то приходится уточнять совершенно несущественные подробности.

— Сегодня. Вот совсем недавно ходила. Минут пять назад, может.

Сергей Борисович посмотрел на неё внимательнее, но задавать вопрос, зачем Нина Ивановна посещала туалет пять минут назад и уже успела об этом забыть, благоразумно не стал.

— Ну-ка подвинься, — сказала она вместо дальнейших объяснений и уже полезла внутрь.

Сергей Борисович даже перестал на секунду заниматься тем, ради чего сюда пришёл.

— Куда?

Нина Ивановна раздражённо махнула рукой, словно свободного пространства вокруг было предостаточно и только Сергей Борисович из вредности занимал его целиком.

— Да туда немного. Дай посмотреть.

Она протиснулась между ним и дверью.

Туалет и для одного человека был спроектирован без особой щедрости, а с появлением Нины Ивановны приобрёл почти интимные размеры. Её плечо оказалось где-то возле его локтя, седая макушка — чуть ниже подбородка, а сама она, совершенно не замечая необычности положения, уже склонилась над щеколдой.

Сергей Борисович некоторое время терпел.

Потом повернул голову и посмотрел на соседку сверху вниз.

— Вы бы мне ещё на голову сели, Нина Ивановна.

Та что-то недовольно пробормотала и попыталась подцепить ногтем металлическую пластинку.

Сергей Борисович дождался, пока она закончит очередную попытку, и продолжил уже осторожнее:

— Может, я сперва закончу, а потом вы начнёте техническое обслуживание? Давайте всё-таки разделять процессы. А то это уже...

Он замолчал, подыскивая определение достаточно точное и при этом не требующее длинных рассуждений.

Нина Ивановна тем временем снова дёрнула щеколду.

— Бардак, — заключил Сергей Борисович. — Вот. Самое подходящее слово.

Соседка лишь фыркнула.

— Ой, тоже мне стеснительный нашёлся, — сказала она, даже не взглянув на него. — Чего я там не видела?

Щеколда наконец поддалась на пару миллиметров, и Нина Ивановна удовлетворённо прищурилась.

— У меня мужей, между прочим, знаешь сколько было? Пусть земля им всем будет пухом.

Сергей Борисович медленно поднял глаза к потолку.

По интонации он понял, что сейчас начнётся история.

А когда Нина Ивановна начинала историю, препятствовать ей было примерно так же разумно, как пытаться оста-

новить дождь крышкой от кастрюли.

— Второй вот хороший был, — продолжила она, ковыряя ногтем щель возле замка. Лицо её при этом смягчилось, будто где-то между дверной ручкой и косяком действительно сохранилось приятное воспоминание. — Спокойный. Рукастый. Всё по дому делал.

Она на секунду прекратила возиться и вздохнула.

— Жалко его, конечно.

Сергей Борисович всё ещё смотрел в стену, однако что-то в этом вздохе заставило его насторожиться.

Нина Ивановна покачала головой и снова принялась за щеколду.

— Третий мой его машиной сбил.

Сергей Борисович медленно повернулся к ней.

Она работала дальше как ни в чём не бывало.

Молчание затянулось настолько, что даже Нина Ивановна почувствовала необходимость его объяснить. Она подняла голову и, встретившись с Сергеем Борисовичем глазами, слегка пожала плечами.

— Так мы с третьим и познакомились.

Сергей Борисович ещё некоторое время смотрел на неё, пытаясь определить, существует ли такой ответ, после которого эта история станет хоть немного понятнее.

Не существует, решил он.

Он закончил свои дела, привёл себя в порядок и обнаружил следующую проблему: Нина Ивановна всё ещё находи-

лась между ним и выходом.

Сергей Борисович кашлянул.

Она не отреагировала.

Тогда он осторожно коснулся её плеча одним пальцем.

— Нина Ивановна.

Соседка подняла голову, не выпуская щеколды из рук.

— Чего?

Сергей Борисович указал взглядом сначала на неё, потом на себя и, наконец, на размеры помещения.

— Можно я всё-таки выйду? Мне с вами здесь как-то не по себе. Всё время кажется, будто мы нарушаем какой-то очень старый общественный договор.

Нина Ивановна несколько мгновений смотрела на него, затем словно впервые вспомнила, где именно они оба находятся.

— Господи, да выходи, конечно, милоч.

Она прижалась спиной к стене, освобождая проход, и даже добродушно махнула ему рукой.

— Я ж тебя не держу. Что я тебе, тюремщик какой? У нас здесь не режимный объект.

Сергей Борисович боком протиснулся мимо неё и наконец оказался в коридоре.

Пространства вокруг внезапно стало так много, что он почти почувствовал благодарность к архитектору.

За спиной снова заскребло металлом.

Сергей Борисович сделал несколько шагов к своей ком-

нате, но остановился и обернулся. Нина Ивановна всё ещё копалась в замке, выставив в коридор половину туловища и разговаривая с механизмом едва слышным сердитым шёпотом.

— Нина Ивановна, — позвал он.

Она высунулась из туалета и вопросительно посмотрела на него.

Сергей Борисович немного подумал, прежде чем кивнуть на щеколду.

— Если почините, никому не говорите.

Брови Нины Ивановны поползли вверх.

— Это ещё почему?

Из его комнаты донёсся приглушённый раскат грома.

Сергей Борисович посмотрел туда, затем снова на соседку.

— Я уже привык, что она сломана. Не люблю резких перемен.

Нина Ивановна задержала на нём взгляд, и постепенно в нём проступило то особое материнское сожаление, которым пожилые женщины иногда награждают взрослых мужчин, окончательно, по их мнению, упустивших возможность стать нормальными людьми.

— Дурак ты всё-таки, Серёженька, — произнесла она, качнув головой, после чего снова скрылась за дверью и немедленно принялась за щеколду, будто диагноз был поставлен и дальнейшего обсуждения не требовал.

Сергей Борисович постоял ещё немного, прислушиваясь к её возне.

Возразить было нечего.

Он только слегка пожал плечами и пошёл к своей комнате.

Сергей Борисович открыл дверь своей комнаты и остановился.

В кресле сидел мужчина.

Одет он был в тёмный костюм, слишком аккуратный для этой комнаты и вообще для всей коммунальной квартиры, а на коленях держал раскрытую биографию Ленина. Незнакомец листал её медленно, без особого интереса, скорее из вежливости к попавшемуся под руку предмету, время от времени задерживая пальцы на очередной странице.

Сергей Борисович посмотрел на него.

Потом на книгу.

Потом ещё раз на него.

— Извините, — произнёс он наконец и осторожно закрыл дверь.

В коридоре Сергей Борисович сделал несколько шагов, остановился и нахмурился.

До туалета он дошёл совершенно один. Нина Ивановна осталась разбираться со щеколдой. Других людей по пути не встретилось. Следовательно, мужчина в костюме либо каким-то образом проник в запертую комнату, либо...

Сергей Борисович цокнул языком.

— Чёрт знает что.

Он вернулся и снова приоткрыл дверь.

Мужчина был на прежнем месте. Теперь он перевернул страницу.

Сергей Борисович удовлетворённо кивнул.

— Показалось.

И снова закрыл дверь.

На этот раз он успел отойти шага на три.

Остановился.

Медленно поднял голову к потолку.

Постоял так некоторое время, будто рассчитывал, что потолок предложит третью версию происходящего, затем тяжело вздохнул и повернул обратно.

Дверь он открыл уже решительно.

Мужчина никуда не исчез.

— Добрых вечеров, — сказал Сергей Борисович, входя и прикрывая дверь за собой. Он машинально одёрнул рубашку, словно присутствие постороннего всё-таки требовало соблюдения каких-то древних правил гостеприимства. — Чем могу быть обязан?

Незнакомец закрыл книгу.

А в следующий миг оказался прямо перед ним.

Сергей Борисович моргнул.

Он не увидел, как мужчина встал, не услышал шагов и даже не успел заметить самого движения. Только что между ними была почти вся комната — теперь оставалось меньше вытянутой руки.

Сергей Борисович чуть отстранился, посмотрел незнакомцу сначала в лицо, потом на кресло за его спиной, после чего понимание наконец отразилось на его лице.

— А-а. Понятно.

Он обошёл мужчину сбоку, как обходят неудачно поставленный шкаф, добрался до тумбочки и налил себе ещё немного.

Незнакомец впервые проявил нечто похожее на удивление. Одна его бровь едва заметно поднялась. Он проводил хозяина комнаты взглядом, затем развернулся к нему и заложил руки за спину.

Сергей Борисович тем временем отломил ещё кусок сухого доширака и с хрустом откусил половину.

Он внимательно посмотрел на оставшийся кусок.

— Станный всё-таки народ китайцы, — пробормотал он, обращаясь скорее к лапше, чем к гостю. — Делают много, а качества, как в Советском Союзе, уже нет. Одни галлюцинации.

Тут он задумался, медленно пережёвывая.

Вообще-то мысль была несправедливой сразу по нескольким направлениям. Но исправлять её Сергей Борисовичу не хотелось.

— Хотя, с другой стороны, и ладно, — решил он, запивая лапшу коньяком. — Мне не привыкать.

Незнакомец некоторое время наблюдал за ним, после чего без приглашения сел на край дивана. Сел ровно, почти без-

звучно и, чуть подавшись вперёд, протянул руку к пачке.

— Позвольте попробовать.

Сергей Борисович посмотрел сначала на протянутую ладонь, затем на надкусанный брикет в своей руке.

Особой причины отказывать галлюцинации в ужине он не обнаружил.

— Да пожалуйста.

Он вложил кусок лапши незнакомцу в ладонь и великодушно махнул кружкой.

— Нам для галлюцинаций ничего не жалко. Мы люди широкие. У нас же как в стране: каждому по достоинству, от каждого по проблемам.

Сергей Борисович замолчал.

Лицо его стало сосредоточенным.

— Или наоборот было?

Он попытался восстановить правильную формулировку, но почти сразу отказался от этого занятия и сделал ещё глоток.

— Я, видите ли, сегодня уже не вполне подготовлен к общественно-политической дискуссии.

Незнакомец тем временем рассматривал сухую лапшу так, словно впервые столкнулся не только с дошираком, но и с самой идеей еды подобного устройства.

Сергей Борисович проследил за его взглядом и почему-то почувствовал необходимость закончить начатую мысль.

— Странно вышло, конечно. Но вы не подумайте, что

квинтэссенция моей мысли от этого становится безмерно ничтожной. Совсем наоборот. Она в известном смысле даже философски...

Он прищурился и покрутил свободной рукой в воздухе, пытаясь поймать слово, которое упорно туда не прилетало.

— Философски значительна. Вот.

Сергей Борисович посмотрел незнакомцу прямо в глаза и понизил голос, словно дальше следовало нечто чрезвычайно важное.

— Вы понимаете, о чём я?

Мужчина ещё немного повертел лапшу между пальцами, положил её на край стола и аккуратно стряхнул с ладони крошки.

— Я пришёл не по этому поводу.

Сергей Борисович несколько секунд осмысливал услышанное, затем хлопнул себя ладонью по колену.

— Ой, простите мою серость. Конечно.

Он придвинул кружку ближе, собираясь, по всей видимости, внимательно выслушать гостя, однако почти сразу передумал.

— Хотя нет.

Сергей Борисович поднял указательный палец и с некоторым трудом удержал его перед собой.

— Господи, точно. Я же вам самого главного не рассказал. Незнакомец молчал.

Сергей Борисович удовлетворённо воспринял это как

приглашение продолжать.

— Мне абсолютно всё равно, зачем вы пришли.

Он сообщил это без грубости и даже почти доброжелательно, после чего откинулся назад.

— Вот совсем. Кто вы, почему вы, откуда вы, зачем у меня в комнате конец света и с какой целью вы читаете Ленина — это всё, понимаете, вопросы второго порядка.

Он сделал паузу, и в его глазах внезапно вспыхнул неподдельный интерес.

— А хотите действительно интересный факт?

Незнакомец едва заметно наклонил голову.

Этого оказалось достаточно.

— Ёжики во время ухаживания такие звуки издают — фыркают, сопят, возятся. Я про это когда-то в научно-популярной книжке читал. Представляете? Идёшь ночью по лесу, кругом тайна природы, луна, звёзды, вечность — а из кустов такое фу-фу-фу...

Сергей Борисович даже попытался изобразить звук, но сам остался недоволен исполнением.

— Нет, не так. Живьём, наверное, убедительнее.

Он задумчиво покачал головой.

— Вот это я понимаю — информация. После неё человек становится немножко другим. А то, что вы там чего-то от меня хотите...

Сергей Борисович лениво повёл ладонью в сторону двери.

— Мне совершенно всё равно. Поэтому у нас два вариан-

та. Либо вы сейчас уходите сами, либо вы всё-таки галлюцинация, тогда я сейчас выключусь — и вы исчезнете вместе со всеми своими легионами.

Незнакомец не двинулся.

Это почему-то подтолкнуло Сергея Борисовича к ещё более серьёзным рассуждениям.

— Потому что мысль, она ведь какая...

Он придвинулся к мужчине ближе.

— Вселенская.

Ещё ближе.

— Глубинная картина человека определяется не тем, что он видит. Она определяется тем, как он...

Сергей Борисович замолчал, потеряв конец собственной фразы.

Несколько секунд он честно пытался найти его где-то перед собой, затем посмотрел на кружку и вдруг улыбнулся с тихим изумлением человека, которому открылась последняя истина.

— Господи, как же я сегодня духовно обогатился...

Голова его медленно наклонилась в сторону.

Незнакомец успел только перевести взгляд, когда Сергей Борисович совершенно естественно устроился щекой у него на плече.

Прошло несколько секунд.

Сергей Борисович захрапел.

Незнакомец так и остался сидеть с прямой спиной и сло-

женными на коленях руками.

Он посмотрел сначала на спящего художника, потом на недоеденный доширак, лежавший на столе.

И впервые за весь вечер на его лице появилось выражение человека, который совершенно не предусмотрел подобного развития событий.

Утро вошло в комнату без разрешения.

Солнечный свет пробрался сквозь ничем не занавешенное окно, лёг на пол, медленно добрался до дивана и остановился на лице Сергея Борисовича. Тот некоторое время сопротивлялся молча, потом тихо хрюкнул, дёрнул щекой и открыл один глаз.

Во рту находилось что-то постороннее.

Он поморщился, пошевелил языком и выплюнул на стол маленький размокший кусочек доширака, каким-то чудом переживший вместе с ним всю ночь.

Сергей Борисович посмотрел на него с неприязнью.

— Выжил, гадёныш.

Только после этого он заметил мужчину справа.

Незнакомец сидел ровно там же, где находился вечером. Костюм не помялся, поза почти не изменилась, а на лице не появилось даже той лёгкой усталости, которую обычно испытывает человек, вынужденный несколько часов служить подушкой совершенно чужому пьяному художнику.

Он просто смотрел на Сергея Борисовича.

Без осуждения.

Без раздражения.

Вообще без чего-либо.

Сергей Борисович тяжело вздохнул и провёл ладонью по лицу. Во рту было сухо, язык казался чужим и шероховатым, а где-то за глазами неторопливо формировалась та особенная утренняя боль, которая пока ещё только знакомилась с хозяином, но явно собиралась остаться подольше.

Он несколько раз сглотнул, обнаружил, что это не особенно помогает, и посмотрел на незнакомца уже вторым глазом.

— Так-с, — произнёс Сергей Борисович, устраиваясь чуть прямее. — На чём мы с вами, коллега, остановились?

Он потёр висок, попытался восстановить события минувшего вечера и вдруг понимающе кивнул.

— А. Да. Простите. Я немножко отвлёкся на раннего Шишкина.

Что именно в его сне было связано с ранним Шишкиным, Сергей Борисович уже не помнил, но объяснение показалось ему достаточно убедительным.

Незнакомец выдержал небольшую паузу, словно проверяя, действительно ли разговор теперь можно продолжать, и только потом спокойно произнёс:

— Я пришёл предложить вам работу.

Сергей Борисович замер.

Лицо его вытянулось в выражении мгновенного и глубокого разочарования.

— О-о-о...

Он откинул голову на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Ну понятно.

В этих двух словах было столько утренней обречённости, словно незнакомец сообщил не о работе, а о необходимости немедленно заполнить восемнадцать налоговых деклараций.

Сергей Борисович махнул рукой в сторону двери.

— Лохотрон. Всё, до свидулучки. Давайте отсюда. Я вас знаю, мошенников. Сначала приходите в костюмах, потом рассказываете, что человеку необыкновенно повезло, потом он подписывает какую-нибудь бумажку, а через неделю у него даже табуретка банку принадлежит.

Незнакомец не шевельнулся.

Это начало раздражать.

Сергей Борисович приоткрыл один глаз и указал пальцем уже настойчивее.

— По телевизору про вас показывали. Целый сюжет. Очень убедительный. Так что кыш.

Мужчина продолжал смотреть.

— Кыш, я сказал.

Сергей Борисович приподнялся и для убедительности расправил плечи, однако организм расценил это движение как чрезмерно амбициозное, и в виске немедленно стукнуло.

Он схватился за голову.

— Ай, ёшкин кот...

Немного посидев так, Сергей Борисович снова посмотрел на гостя. Тот всё ещё не исчезал.

— И не думайте, что я беззащитный, — предупредил он, хотя прозвучало это уже значительно менее грозно. — У меня в трусиках такая страшная сила спрятана, что я сам стараюсь лишний раз не вспоминать.

Незнакомец едва заметно изменился в лице. Возможно, это было удивление. Возможно, впервые за ночь ему просто захотелось моргнуть.

Сергей Борисович снова обхватил голову ладонями.

— Господи... Вот это меня приложило. Ёксель-моксель какой-то.

Незнакомец наконец пошевелился.

Он расстегнул пиджак и сунул руку во внутренний карман. Сергей Борисович проследил за движением настороженно, но отступать не стал.

Мужчина достал бутылку виски.

Она выглядела так, словно совершенно случайно оказалась не в старинном погребе, а в комнате коммунальной квартиры среди кистей, доширака и вчерашней кружки. Тёмное стекло, тяжёлая пробка, старая этикетка — всё в ней обладало неприятной уверенностью очень дорогой вещи.

Незнакомец протянул бутылку Сергею Борисовичу.

— Пожалуйста, приведите себя в порядок. Двести лет выдержки.

Сергей Борисович посмотрел на бутылку.

Потом на мужчину.

Потом снова на бутылку.

Лицо его выразило искреннее отвращение.

— Не-не-не.

Он даже отодвинулся.

— Вы что мне тухляк какой-то предлагаете? Двести лет он у вас там неизвестно где валялся. Пыль, пауки, сырость. Может, рядом вообще горох хранили.

Незнакомец чуть склонил голову.

Сергей Борисович между тем уже оживился. Разговор перешёл в область, где он чувствовал себя гораздо увереннее.

— Вы мне нормального дайте. Коньячок. Обычный. Трёхзвёздочный. Маленькую бутылочку. Чтобы без вот этого всего.

Он обвёл дорогой виски рукой, словно речь шла о чрезмерно украшенном дворце.

— В пределах двухсот пятидесяти рублей — вот это человеческий напиток. Посмотришь и сразу понимаешь: никто тебя не собирается удивлять. Всё честно. Вот за такое я спасибо скажу.

Незнакомец посмотрел на бутылку у себя в руке.

И бутылка изменилась.

Не вспыхнула, не растворилась в дыму, не исчезла с громким хлопком. Сергей Борисович даже не смог потом определить, в какую именно секунду это произошло. Просто ещё мгновение назад мужчина держал старый шотландский виски — а теперь в той же руке находилась маленькая бутылочка самого обыкновенного трёхзвёздочного коньяка.

Именно такая, какую попросили.

Сергей Борисович перестал чесать висок.

Он наклонился вперёд.

Прищурился.

Незнакомец молча протянул бутылочку.

Сергей Борисович осторожно взял её, покрутил перед глазами, посмотрел этикетку, заглянул на донышко и даже за чем-то понюхал крышку.

Никакого подвоха обнаружить не удалось.

— О, — произнёс он наконец с заметно большим уважением. — А вот это неплохо.

Он ещё раз осмотрел бутылочку, после чего кивнул незнакомцу уже почти дружелюбно.

— А мне вчера показалось, что вы какую-то чепуховину толкаете.

Мужчина ничего не сказал.

Сергей Борисович нашёл кружку, посмотрел внутрь, решил не задавать лишних вопросов о её санитарном состоянии и налил немного коньяка.

Теперь он двигался заметно бодрее.

— Нет-нет, вы рассказывайте, — проговорил он, устраиваясь на диване и делая приглашающий жест свободной рукой. — Я вас внимательно слушаю. Я ещё вчера почувствовал, что мысль у вас интересная. Просто она как-то... не сразу до меня дошла.

Он сделал небольшой глоток, задержал коньяк во рту,

проглотил и довольно причмокнул.

Потом повернулся к незнакомцу.

На этот раз Сергей Борисович смотрел на него внимательно.

Почти трезво.

Во всяком случае, настолько трезво, насколько был способен в это утро.

Незнакомец, словно только этого момента и ждал, заговорил сразу. Голос его и утром оставался таким же спокойным и ровным; похоже, ночь, проведённая неподвижно на диване с храпящим художником на плече, никак не отразилась ни на его терпении, ни на костюме.

— Нас интересует ваша работа. Точнее, моего работодателя интересует. От вас потребуется создать определённую картину, однако важен не только результат. Работа должна быть выполнена по особой технологии, которой вы прежде не пользовались.

Сергей Борисович слушал, держа кружку возле подбородка. При слове «технология» один его глаз слегка сузился, но перебивать он пока не стал.

Незнакомец продолжил, внимательно наблюдая за ним:

— Вы пройдёте обучение. При необходимости сможете выбрать себе учеников, а после завершения работы должны будете передать полученные знания новому племени.

Сергей Борисович ещё несколько секунд сохранял серьёзное выражение лица, будто тщательно взвешивал услышан-

ное. Потом поставил кружку на колено и виновато поморщился.

— А я разве не рассказывал? Вот неловко получилось.

Он почесал грудь, пытаясь припомнить подробности собственной биографии, которых ещё вчера, кажется, не существовало.

— Я ж страшно занятой человек. У меня бизнесы всякие. Дела. Предприятия. Там всё крутится, люди бегают, бумаги подписывают. Я вообще, можно сказать, деловой кабан. Так что с этим вашим племенем — даже не знаю. График.

Незнакомец посмотрел на него долгим оценивающим взглядом. В этом взгляде не было ни сомнения, ни насмешки, и оттого Сергей Борисовичу на мгновение самому стало интересно, сколько именно бизнесов ему сейчас принадлежит.

— Все финансовые вопросы мы берём на себя, — спокойно произнёс мужчина. — Ваши расходы также будут покрыты полностью.

Сергей Борисович снял крышку с бутылки и долил в кружку уже гораздо увереннее, почти до половины. Сделав несколько глотков, он шумно выдохнул, провёл тыльной стороной ладони под носом и посмотрел на незнакомца тем взглядом, каким, по его представлению, настоящие промышленники смотрят на людей перед подписанием многомиллионных контрактов.

— Ну и сколько вы там заплатите? Пять тысяч?

Он покачал головой, заранее давая понять, насколько оскорбительна подобная сумма.

— Вы учтите, у меня одних материалов... ой-ой-ой. Масло хорошее знаете сколько стоит? Не вот эта ваша гуашь, разбодяженная соляжкой, а настоящее художническое масло. Там одна упаковка тысяч двадцать.

Сумма возникла прямо во время разговора и понравилась Сергею Борисовичу настолько, что он немедленно поверил в неё сам.

Он поднял палец, предупреждая возможные возражения.

— Потому что я специалист. А специалист, знаете ли, себя за копейки не продаёт. Это сейчас все думают: художник чего там делает? Кисточкой поводит — и готово. А кисточка, между прочим, тоже денег стоит.

На губах незнакомца впервые появилась лёгкая улыбка. Не насмешливая — скорее такая, с какой взрослый человек наблюдает очень сложную торговую операцию ребёнка, пытающегося обменять камень на велосипед.

— Любые необходимые ресурсы будут вам предоставлены, — сказал он. — Всё, что потребуется для работы, вы получите по первому желанию.

Сергей Борисович замер с кружкой возле рта.

Вот это уже звучало серьёзнее.

Он медленно поднялся с дивана и прошёлся по комнате, насколько позволяли её размеры. Похмелье ещё шумело где-то внутри головы, но деловые качества художника уже замет-

но укреплялись.

— Хорошо, — протянул он. — Тогда что писать-то надо? Он остановился перед незнакомцем и развёл руками.

— Предмет разговора где? Давайте уже по существу. Я человек, конечно, творческий, воздушный, местами даже возвышенный, но без хорошего ТЗ получается ХЗ.

Незнакомец слегка приподнял бровь.

Сергей Борисович тут же пояснил:

— Художественная загадка.

Он остался доволен расшифровкой и даже коротко кивнул самому себе.

— Поэтому давайте фактуру. Что рисуем, где рисуем, кому рисуем, зачем рисуем. А то вы загадок наклепили целое ведро, а говорите по чайной ложке.

Сергей Борисович вернулся на диван, но сел теперь чуть дальше от гостя, чтобы удобнее было его разглядывать.

— Не доверяю я вам, — признался он после недолгого изучения. — Вот совершенно.

Незнакомец принял это известие без видимой обиды.

Сергей Борисович покачал в руке почти опустевшую бутылочку и посмотрел сквозь неё на свет.

— Хотя если бы у вас совершенно случайно нашлась ещё одна такая, переговоры, конечно, сразу приобрели бы совсем другой уровень взаимного доверия.

Мужчина несколько мгновений молча смотрел на него.

Потом запустил руку за другую полу пиджака.

Сергей Борисович перестал качать бутылку.

Из внутреннего кармана появилась вторая — точно такая же.

Незнакомец протянул её художнику с той естественностью, словно люди постоянно носили в разных карманах пиджака по бутылочке дешёвого трёхзвёздочного коньяка специально на случай затянувшихся переговоров.

— Пожалуйста. Нам ничего не жалко.

Сергей Борисович принял бутылку обеими руками и некоторое время смотрел на неё почти растроганно.

Потом поднял глаза на незнакомца.

— Вот всё-таки вы, бизнесмены, народ предусмотрительный.

Он поставил первую пустую бутылку на стол, вторую — рядом, сравнил их и уважительно покачал головой.

— Очень предусмотрительный. Я-то думал, костюм надели для красоты, а у вас там, оказывается, складское помещение.

Теперь всё происходящее нравилось ему значительно больше.

Сергей Борисович устроился поудобнее, положил ногу на ногу и жестом пригласил гостя продолжать.

— Ладно. Рассказывайте. Что, кого, куда и желательно в письменном виде. Официально. Чтобы печать была, подпись, нотариус какой-нибудь суровый.

Он открыл вторую бутылочку, плеснул немного в кружку

и задумчиво понюхал.

— У нас, у профессиональных художников, между прочим, это первое правило.

Какое именно правило было первым у профессиональных художников, Сергей Борисович, судя по внезапной паузе, сейчас придумывал.

— Чтобы никто никого не обманул, — наконец нашёлся он. — Договор нужен. Всё по полочкам: что делаем, куда везём, кому отдаём и сколько лично Сергей Борисович получает за моральные страдания.

Он сделал глоток и поднял ладонь, останавливая ещё не прозвучавшие возражения.

— И сразу предупреждаю: требования у меня будут.

Сергей Борисович выпрямился, насколько позволял диван, и постарался принять выражение человека с мировым именем.

— Фамилия моя, между прочим, Лотков.

Он выдержал паузу, словно одного этого должно было быть достаточно.

Незнакомец ждал продолжения.

Сергей Борисович слегка нахмурился.

— Она не просто так Лотков. Это фамилия с перспективой. Мировое имя практически. Просто мир пока ещё не в курсе.

Он поднял кружку и удовлетворённо добавил:

— Поэтому за копейки работать не буду. Даже не начи-

найте меня уговаривать.

После чего отпил и приготовился наконец узнать, какую именно картину ему собираются заказать.

Глава 4

Дверь открылась резко, будто с той стороны её не толкнули, а предъявили комнате претензию.

Вошёл мужчина лет сорока в тёмном свитере. Вернее, сначала вошёл его голос, потом плечо, и только вслед за ними появился сам мужчина, который ещё не успел до конца распахнуть дверь, а уже кричал:

— Да достали вы меня! Вы там что, отдел коллективной растерянности открыли? Нельзя же так тупить, это уже не ошибка, это цирк с калькулятором!

Он шагнул внутрь, свободной рукой захлопнул за собой дверь и, даже не взглянув в сторону Сергея Борисовича, продолжил наступать на невидимого собеседника.

— Ты же понимаешь, что на такого деятеля нельзя вестись? Два плюс два сколько? Ну подумай. Не отвечай сразу, вдруг перегреешься. У тебя зарплата сто тысяч рублей, тебя уже можно в музей успешного человека ставить под стекло, а ты простую задачу превращаешь в государственную программу!

Сергей Борисович, сидевший с кружкой в руке, наблюдал за происходящим с настороженным интересом.

Мужчина прошёл ещё пару шагов, повернулся боком, и только тогда Сергей Борисович заметил прижатый к его уху телефон.

Это многое объясняло.

Не всё, конечно, но многое.

— Нет, ты меня послушай, — продолжал мужчина, уже тише, но от этого почему-то ещё сердитее. — Когда тебе человек врёт, а у него на лбу практически написано: «Я сейчас вру», не обязательно приглашать комиссию экспертов. Иногда можно просто воспользоваться головой. Она у тебя не только свитер сверху держит.

Он выслушал что-то в трубке, закрыл глаза и болезненно потёр переносицу.

— Всё. Подожди секунду.

Мужчина опустил телефон, повернулся и впервые заметил Сергея Борисовича.

Выражение его лица изменилось с такой скоростью, будто внутри головы кто-то переключил режим с «служебное совещание» на «приличный человек в обществе».

— Здравствуйте.

Он даже слегка кивнул.

Сергей Борисович ответил ему внимательным взглядом поверх кружки.

Мужчина убрал телефон в карман, неловко провёл ладонью по свитеру и некоторое время явно решал, как начать разговор, который беспокоил его куда сильнее телефонного.

— Слушайте, я сразу извиняюсь. Я не хочу грубить, предъявлять что-то или выглядеть плохим человеком. Правда.

Он сделал паузу, посмотрел куда-то в сторону двери, потом снова на Сергея Борисовича.

— Но вы после себя в туалете всё-таки смывайте, пожалуйста.

Сергей Борисович медленно опустил кружку.

Мужчина, почувствовав, что уже начал, решил довести дело до конца.

— Особенно когда следы остаются... ну... выше положенного уровня.

Он неопределённо повёл ладонью в воздухе, не желая, видимо, превращать претензию в технический доклад.

— Сиденье ещё открыто. Мне потом туда заходить, а там такое впечатление, что произошло маленькое извержение. Вы простите ради бога. Ёршик стоит рядом. Всё имеется. Ну элементарно же.

Сергей Борисович смотрел на него молча.

Вчера в его комнате шёл кровавый дождь, неизвестный человек возникал во время молний, ночью он спал на плече существа, способного превращать двухсотлетний виски в дешёвый коньяк, а утром получил предложение обучить какое-то новое племя неизвестной технологии живописи.

И вот теперь настоящий человек пришёл поговорить с ним о туалете.

Почему-то именно это показалось Сергею Борисовичу окончательно невыносимым.

Он поднял руку и указал пальцем на дверь.

— Если вам что-нибудь не нравится, выход находится там.

Мужчина проследил за направлением пальца, затем снова посмотрел на художника. Возражать он не стал. Более того, виновато кивнул, словно именно такого исхода разговора и ожидал.

— Хорошо. Извините, пожалуйста. Я всё понял.

Он взялся за ручку, но перед тем как выйти, всё-таки обернулся.

— Просто надеюсь, что был услышан.

Сергей Борисович продолжал держать палец в сторону коридора.

Это было достаточно красноречиво.

— До свидания, — закончил мужчина, снова вернув себе безукоризненно вежливый тон, после чего вышел и аккуратно прикрыл дверь.

Сергей Борисович ещё несколько секунд смотрел на неё.

В коридоре почти сразу снова заговорил телефонный голос соседа, только теперь приглушённый стеной. Судя по интонации, отдел коллективной растерянности уже успел совершить что-то новое.

Сергей Борисович вздохнул и повернулся к дивану.

— Так на чём мы с вами...

Остаток фразы он договорил уже значительно тише.

Диван был пуст.

Там, где всё утро сидел незнакомец, лежала только небольшая вмятина на покрывале, да и та постепенно рас-

правлялась.

Сергей Борисович посмотрел на кресло.

Потом под стол.

Это было совершенно бессмысленно, но люди почему-то всегда заглядывают под стол, когда исчезает что-нибудь достаточно крупное.

Никого.

Он перевёл взгляд на вторую бутылочку.

Та тоже исчезла.

Сергей Борисович постоял посреди комнаты, потёр лицо ладонями, тяжело вздохнул и посмотрел на выключенный телевизор. Из чёрного экрана на него смотрел человек, которому явно следовало сегодня принять несколько важных решений относительно собственного образа жизни.

Сергей Борисович решил начать с самого простого.

— Вот же беличьи гастроли, — пробормотал он. — Всё. Хватит культурной программы.

Он нашёл взглядом мольберт.

Решение работать пришло неожиданно, но показалось разумным. Работа обладала одним большим преимуществом перед галлюцинациями: если нарисованный человек начал разговаривать, кисть можно было просто положить.

Сергей Борисович собрал планшет, бумагу, карандаши, складной стул и долго искал ластик, пока не обнаружил его в кармане собственной рубашки. Небольшое профессиональное поражение он пережил достойно, никому о нём не сооб-

шил и вскоре уже вышел из коммуналки.

На улице после ночной грозы стало свежо.

Асфальт ещё темнел от воды, в выбоинах стояли лужи, деревья время от времени стряхивали с листьев запоздавшие капли. Город понемногу начинал заниматься собой: открывались магазины, проезжали машины, кто-то торопился к остановке, кто-то выводил собаку, которая, судя по выражению морды, никуда особенно не торопилась.

Сергей Борисович направился в парк.

Сегодня ему хотелось клиентов молчаливых.

В идеале — совершенно немых.

Он вообще не был против человеческой речи как явления. Более того, Сергей Борисович и сам временами любил рассказать что-нибудь интересное, особенно если слушатель не имел возможности уйти. Проблема начиналась тогда, когда говорить принимался другой человек.

Дело было даже не в звуке голоса.

Сергей Борисович боялся информации.

Чужой человек подходил, открывал рот — и оттуда непременно вылетало что-нибудь, с чем потом приходилось жить. У кого-то племянник поступил в институт. У кого-то болела поясница. Кто-то купил картошку на восемь рублей дешевле возле другого метро. Кто-то собирался разводиться, но пока не решил. У кого-то сосед поменял машину.

Всё это входило в голову без спроса и оставалось там неизвестно зачем.

Сергей Борисович подозревал, что человеческий мозг вообще устроен крайне несправедливо: нужные вещи из него исчезают, едва отвернёшься, зато рассказ случайного человека о том, как его двоюродная сестра в две тысячи восьмом году выбирала холодильник, способен прожить внутри до самой смерти.

Другое дело — если бы люди сообщали что-нибудь полезное.

Эта мысль настолько понравилась ему, что по дороге в парк Сергей Борисович начал развивать её.

Вот идёт он, например, ставит мольберт, садится. Подходит совершенно незнакомый мужчина в сером пальто и вместо привычного «А меня нарисуете?» спокойно говорит:

«Сергей Борисович, вы неправильно работаете с полутенью».

Сергей Борисович даже замедлил шаг.

Вот это был бы разговор.

Незнакомец сел бы рядом, взял карандаш и открыл ему какой-нибудь давно потерянный способ делать переход между светом и тенью настолько мягким, что граница исчезала бы совсем. Может быть, рассказал бы какой-нибудь секрет Леонардо, не записанный ни в одной книге. Такую крошечную техническую хитрость, которую мастера пятьсот лет передавали друг другу шёпотом, а потом последний из них умер, не успев никому сообщить.

Сергей Борисович мысленно увидел этого последнего ма-

стера.

Почему-то тот умирал непременно в Италии, обязательно во время грозы и с кистью в руке.

Так было убедительнее.

А теперь тайна каким-то невероятным образом дошла до обычного прохожего из Ленинградской области, который специально пришёл в парк, чтобы передать её Сергею Борисовичу.

Такую информацию он бы выслушал.

И даже переспросил.

Можно было бы поговорить о грунте, о прозрачных слоях, о том, почему один серый цвет выглядит живым, а другой похож на стену подъезда. Можно было бы узнать, как старые мастера видели то, что остальные люди просто называли тенью.

Сергей Борисович шёл всё медленнее, увлечённый собственным собеседником.

В его воображении мужчина в сером пальто уже доставал из кармана какую-то древнюю записную книжку.

Потом фантазия дала трещину.

Сергей Борисович слишком хорошо знал людей.

Через пять минут мужчина наверняка рассказал бы, что его племянник тоже рисует.

А ещё через десять достал бы телефон.

На телефоне оказалось бы сорок семь рисунков племянника.

Сергей Борисович помрачнел и ускорил шаг.

Нет.

Лучше всё-таки пусть молчат.

Впереди уже показались деревья парка, и от одного их вида ему стало спокойнее. Сейчас он поставит стул, разложит бумагу, выставит картонку с ценой и будет надеяться на редкое человеческое чудо: кто-нибудь сядет напротив, заплатит деньги и минут двадцать не произнесёт ни слова.

На сегодняшний день Сергей Борисович не требовал от судьбы большего.

Минут через десять к нему подбежала девочка.

Сергей Борисович заметил её ещё издали, главным образом потому, что она улыбалась. Улыбалась широко, почти радостно, и при этом по одной щеке у неё медленно текла слеза. Сочетание было настолько неправильным, что он невольно отложил карандаш и дождался, пока она остановится возле его стула.

Девочка ничего не сказала.

Сергей Борисович посмотрел на неё, потом на слезу, потом снова на неё и с некоторой неохотой всё-таки признал, что теперь обязан проявить человеческое участие.

— Что случилось, маленькая девочка?

Фраза показалась ему странной сразу после того, как прозвучала.

«Маленькая девочка».

А какая ещё?

Большая девочка уже, наверное, называлась как-нибудь иначе. Хотя технически всё было правильно: перед ним действительно находилась девочка, и она действительно была маленькой. Сергей Борисович успел подумать, что язык вообще иногда заставляет человека произносить очевидности с таким видом, будто без него никто бы не разобрался.

Но девочка уже кивнула на лежавший перед ним планшет.
— А вы можете нарисовать моего папу?

Сергей Борисович чуть заметно расслабился. Вот это был понятный разговор. Папу можно было нарисовать. Желательно за деньги и желательно так, чтобы папа всё время сидел молча.

Однако девочка всё ещё улыбалась той странной улыбкой, совершенно не подходившей заплаканному лицу.

— Он скоро умрёт, — добавила она. — Я во сне видела. Его собаки съедят.

Сергей Борисович посмотрел на неё.

Потом медленно отвёл глаза.

Вот именно этого он и боялся.

Информация.

Никто не просил его знать, что этой девочке приснились собаки, но теперь знание уже попало внутрь и немедленно принялось делать то, что человеческое сознание делало со всякой ненужной информацией: производить картинки.

Он увидел какого-то совершенно незнакомого мужчину и огромное количество собак вокруг него.

Видение получилось мутным, словно плохо настроенный телевизор. Ни крови, ни лиц, ни подробностей — просто нелепая толчея, мужчина посередине и собаки со всех сторон. Но затем воображение почему-то выбрало из всей картины одну настолько бессмысленную подробность — какая-то собака отчаянно вцепилась в болтающуюся штанину в самом неподходящем месте, — что внутри Сергея Борисовича что-то дрогнуло.

Он сжал губы.

Нет.

Смешного здесь не было ничего.

Совершенно ничего.

Перед ним стоял ребёнок, который боялся за отца.

Сергей Борисович прекрасно это понимал.

И оттого становилось только хуже.

Чем сильнее он запрещал себе смеяться, тем настойчивее проклятая собака в его воображении продолжала возиться со штаниной, словно других задач во время апокалипсиса у неё не существовало.

Сергей Борисович кашлянул.

Девочка смотрела на него.

Он нахмурился, стараясь придать лицу выражение взрослого, серьёзного и понимающего человека, однако внутри уже происходила настоящая борьба. Смех поднимался откуда-то из живота, давил на грудь, щекотал горло, и Сергей Борисович с ужасом понимал, что если сейчас откроет рот, то

вместо сочувствия из него может вырваться совершенно чудовищное хихиканье.

Поэтому он просто кивнул.

Девочка просияла.

И ровно в этот момент Сергей Борисович понял, что сделал.

Он согласился.

Бесплатно.

Внутренний смех прекратился почти мгновенно.

Карандаш, которым он собирался рисовать, стоил двадцать три рубля.

Сергей Борисович посмотрел на него.

Двадцать три рубля — сумма сама по себе небольшая. Но ведь так можно рассуждать только один раз. А если рисовать бесплатно постоянно? Если каждому ребёнку, который подойдёт и расскажет страшный сон, выдавать по портрету отца?

За год сколько выйдет?

За десять лет?

А за пятьдесят?

Мысль разрасталась с пугающей скоростью.

Сергей Борисович никогда особенно не дружил с подсчётами и потому при больших числах чувствовал себя свободно. Уже через несколько секунд ему представлялось, что при достаточно долгой жизни бесплатные портреты могут разорить его исключительно на карандашах.

А если прожить тысячу лет?

Он задумался.

Тысяча лет означала совершенно чудовищное количество карандашей.

Наверное, миллион.

Возможно, два.

Перемножать Сергей Борисович не стал, потому что заранее чувствовал: результат ему не понравится.

Настроение испортилось.

Он посмотрел на девочку уже значительно серьёзнее и вдруг понял, что весь только что случившийся приступ веселья был вовсе не весельем. Скорее нервной реакцией. После бессонной ночи, похмелья, утреннего коньяка, исчезающих людей и слишком разговорчивой реальности организм просто выбрал не тот способ справляться с происходящим.

Впрочем, разбираться в себе Сергей Борисович тоже не любил.

Стоило копнуть поглубже, как почти всегда выяснялось одно и то же: ему хотелось, чтобы в жизни наконец что-нибудь изменилось.

И одновременно он категорически не хотел ничего менять.

Противоречие было неприятное, поэтому Сергей Борисович предпочитал решать его простым способом — работать ровно настолько, чтобы заработать на следующий день.

Сегодня, к примеру, неплохо было бы получить побольше.

Мысль казалась особенно привлекательной на фоне лёгкого похмелья. Если повезёт с портретами, вечером можно купить ещё коньяка и работать уже дома, в значительно более располагающей к искусству атмосфере.

«Работать».

Сергей Борисович задумался над словом.

Художники ведь не рисуют.

Художники пишут.

Почему — толком никто не объяснял, но стоило назвать работу художника рисованием, как обязательно находился какой-нибудь знаток и поправлял с выражением человека, только что предотвратившего культурную катастрофу.

«Картины пишут».

Сергей Борисович скосил глаза на карандаш.

Карандашом, значит, тоже пишут?

Станный народ художники.

Наверное, выпендриваются.

Модники тоже выпендриваются. Музыканты наверняка выпендриваются. Писатели особенно — эти вообще способны полчаса объяснять, почему одно слово стоит именно там, а не на два сантиметра левее.

Только лётчики, подумал Сергей Борисович, по крайней мере ведут себя прилично.

Летают.

Никто не говорит: «Лётчик не летает, лётчик осуществляет художественное взаимодействие с небесной средой».

Он уже собирался развить эту мысль и определить, какие ещё профессии честно делают ровно то, что обещано в названии, когда неподалёку появился мужчина.

Девочка сразу обернулась.

Мужчина шёл быстрым шагом и смотрел на неё с тем выражением усталой родительской тревоги, которое Сергей Борисович видел множество раз даже у людей, никогда не заказывавших портретов.

Подойдя ближе, мужчина перевёл взгляд с дочери на художника, потом снова на дочь.

— Ты чего к людям пристаёшь? — спросил он, но без настоящей сердитости; скорее так спрашивает человек, уже заранее предполагающий, что сейчас ему придётся за что-нибудь извиняться.

Девочка схватила его за руку.

Слеза на щеке уже высохла, а улыбка стала совершенно настоящей.

— Пап, а давай тебя нарисуем.

Мужчина посмотрел на дочь, потом на Сергея Борисовича и сразу замотал головой.

— Не надо меня рисовать. Не люблю я всё это дело.

Он машинально провёл ладонью по лицу, словно уже сама мысль о портрете заставляла его чувствовать себя неудобно.

— У меня фотография в паспорте есть — и хватит с меня. Давай лучше маму нарисуем.

Девочка перестала улыбаться и уставилась на отца с тем

простым недоумением, какое бывает только у детей, когда взрослый предлагает решение, очевидно невозможное.

— А как мы её нарисуем?

Мужчина улыбнулся. Улыбка вышла спокойной, но Сергей Борисович заметил, что прежде чем ответить, тот на мгновение отвёл глаза.

— По фотографии. Раз мама теперь на небесах, мы можем показать дяденьке её фотографию. Он нарисует, а мы повесим портрет дома.

Мужчина присел перед дочерью и поправил ей выбившуюся прядь волос.

— Будем смотреть на неё и думать, понравилось бы ей или нет. У мамы ведь никогда своего портрета не было.

Девочка задумалась всего на секунду.

Потом лицо её вдруг озарилось, и она схватила отца за рукав.

— Папа, ну чего ты тупишь? Доставай планшет! Там фотография есть. Дяденька вообще всё может нарисовать!

Сергей Борисович медленно поднял на неё глаза.

«Всё»?

Это слово ему сразу не понравилось.

Особенно та лёгкость, с которой оно было произнесено.

Всё он, оказывается, может.

Очень хорошо.

Самому Сергею Борисовичу до сегодняшнего утра подобная информация была неизвестна.

Отец тем временем уже расстёгивал рюкзак.

Сергей Борисович почувствовал приближение чего-то неприятного.

Планшет.

Разумеется.

Сейчас ему сунут под нос экран и предложат рисовать с фотографии.

Он сразу помрачнел.

Нет, фотографии Сергей Борисович понимал. Фотография могла висеть на стене, лежать в альбоме, напоминать о человеке. Всё это было прекрасно. Но зачем художнику приходить в парк, раскладывать карандаши, ставить стул и ждать живого человека, если в результате перед ним кладут кусок стекла с картинкой?

С натуры было понятно.

Вот человек сидит напротив. Дышит. Щурится. Устаёт держать голову прямо. Улыбается не тогда, когда нужно. У него меняется лицо, когда он о чём-нибудь думает. Свет ползёт по коже. Тень под подбородком становится глубже или исчезает вовсе. Художник ловит не фотографию человека, а самого человека, который никак не хочет оставаться неподвижным.

А экран что?

Экран уже всё решил за тебя.

Сергей Борисович заранее приготовился отказаться.

Только отказаться следовало правильно.

Не говорить же: «Не умею».

Такого художники мирового уровня себе позволить не могли.

Нужно было сослаться на профессиональное правило. На старую школу. Может быть, даже на какую-нибудь традицию, желательно европейскую и такую древнюю, чтобы проверять никто не стал.

Пока он подбирал подходящую причину, мужчина уже нашёл фотографию.

Планшет лёг на складной стульчик.

— Вот она.

Сергей Борисович нехотя опустил взгляд.

На экране была молодая женщина.

Он приготовленная фраза так и осталась где-то внутри.

Женщина улыбалась тому, кто её фотографировал. Не так, как улыбаются на документы или вежливо показывают зубы незнакомому человеку с камерой, а совершенно свободно, будто за пределами кадра находился кто-то, кому эта улыбка действительно предназначалась.

Сергей Борисович невольно наклонился ближе.

Отец девочки, не заметив перемены в его лице, указал на кофейный киоск неподалёку.

— Мы пока кофе возьмём. Вы только скажите, сколько вам нужно — полчаса, час? Когда подойти?

Сергей Борисович почти не слушал.

Писать с планшета ему по-прежнему претило.

Более того, теперь претило ещё сильнее.

Потому что фотография оказалась хорошая.

А хорошая фотография была особенно опасной вещью: она создавала ложное впечатление, будто художнику уже всё дали и от него требуется только аккуратно перенести увиденное на бумагу.

Сергей Борисович нахмурился.

Нет.

Он откажется.

Только теперь отказ можно было сделать красиво.

Он выпрямился, ещё раз посмотрел на фотографию и с таким искренним восхищением покачал головой, что мужчина даже насторожился.

— Ого...

Сергей Борисович подался вперёд.

— Какая красота.

Он взглянул на отца девочки так, словно ожидал подтверждения подлинности изображения.

— Это правда она?

Мужчина не сразу понял вопрос.

Сергей Борисович снова перевёл глаза на экран и тихо присвистнул.

— Не верю своим глазам.

Девочка расплылась в улыбке.

Отец тоже чуть улыбнулся — на этот раз с заметной гордостью.

Сергей Борисович тяжело вздохнул.

— Нет. Простите. Не смогу.

Улыбка мужчины исчезла.

Сергей Борисович поднял ладонь, заранее прося не перебивать.

— Вы только неправильно меня не поймите. У нас, художников, имеются определённые... категории.

Какие именно категории имелись у художников, он ещё не придумал.

Но отступать было поздно.

— Есть лица, которые можно писать. Есть лица сложные. Есть очень сложные. А это...

Он снова указал на планшет и даже слегка отодвинулся от него.

— Это уже профессиональный риск.

Отец девочки нахмурился.

Сергей Борисович почувствовал, что необходимо срочно придать словам больше искусства.

— Она слишком красивая.

Мужчина моргнул.

— Понимаете, я возьмусь — и нарушу черты. Где-нибудь на полмиллиметра. Для обычного человека это ерунда, а здесь весь образ разрушится.

Сергей Борисович осторожно коснулся пальцем собственного виска.

— Я как художник не могу позволить себе подобного на-

силия над искусством. Мне потом с этим жить.

Он всё больше проникался собственной речью.

— Потому что лицо — это же не нос отдельно, глаза отдельно и рот где-то посередине. Там внутренний мир. Там характер. Свет. Душа, если хотите. А здесь всё настолько гармонично, что моя рука...

Сергей Борисович посмотрел на свою руку.

Та лежала на колене и пока совершенно не выражала профессионального страдания.

Он слегка согнул пальцы.

— Моя рука просто не способна обещать вам, что передаст всё это достойно.

Девочка посмотрела на отца.

Мужчина посмотрел на девочку.

Потом снова на Сергея Борисовича.

Художник уже почувствовал, что победил. Сейчас они поблагодарят его за честность, заберут планшет и уйдут, а он останется человеком принципов, старой школы и, возможно, даже некоторой внутренней трагедии.

Мужчина молча полез в карман.

Сергей Борисович насторожился.

Появился кошелёк.

Из него одна за другой были вынуты четыре пятитысячные купюры.

Мужчина сложил их вместе и протянул художнику.

— Пожалуйста. Не расстраивайте ребёнка. Я вас прошу.

Сергей Борисович посмотрел на деньги.

Потом на фотографию.

Потом на девочку.

Снова на деньги.

Двадцать тысяч рублей обладали удивительным свойством: профессиональные принципы рядом с ними не исчезали, но начинали требовать дополнительного обсуждения.

Сергей Борисович медленно протянул руку.

— Ладно.

Когда отец с дочерью скрылись за деревьями, направляясь к кофейному киоску, Сергей Борисович ещё раз посмотрел им вслед, убедился, что возвращаться они пока не собираются, и придвинул планшет поближе.

Первые линии легли неожиданно легко.

Он начал с привычной осторожностью, собираясь сперва наметить овал лица, положение глаз, линию носа, но уже через несколько минут поймал себя на странном ощущении: карандаш будто заранее знал, куда ему идти. Не приходилось исправлять пропорции, стирать слишком уверенные штрихи или отступать от листа, чтобы проверить, не уехал ли один глаз куда-нибудь в сторону.

Всё вставало на место сразу.

Сергей Борисович даже перестал хмуриться.

Лицо женщины постепенно появлялось на бумаге, и чем дальше он работал, тем меньше понимал, как именно это делает. Там, где раньше пришлось бы долго выискивать пе-

реход от света к тени, рука сама оставляла едва заметный след. Там, где простой серый штрих должен был сделать щёку плоской, возникало что-то почти неуловимое, и бумага вдруг начинала казаться тёплой.

Он отстранился.

Посмотрел на планшет.

Потом на рисунок.

Снова на планшет.

— Надо же...

Сказал он это почти шёпотом, чтобы случайно не спугнуть происходящее.

Ещё утром Сергей Борисович фантазировал по дороге в парк, как было бы славно однажды встретить человека, который просто возьмёт и расскажет ему секрет старых мастеров. Не историю искусства, не даты рождения и смерти, не то, сколько любовниц было у кого-нибудь во Флоренции, а именно секрет. Маленькую вещь, которую невозможно прочитать в учебнике: куда посмотреть, насколько ослабить руку, в какой момент перестать видеть лицо как лицо и начать замечать только свет.

И сейчас ему на секунду показалось, что такой секрет каким-то образом уже оказался у него в пальцах.

Карандаш позволял делать вещи, которых карандаш, по мнению Сергея Борисовича, вообще делать не должен был.

Он видел цвет.

Не на бумаге, конечно. Бумага оставалась бумагой, графит

— графитом. Но стоило немного отойти, и в серых переходах начинало чудиться тепло кожи, мягкая зелень, отражённая от деревьев, слабая желтизна утреннего солнца. Может быть, всё дело было как раз в свете: солнце пробивалось сквозь листья, зелень вокруг отдавала собственный оттенок, и глаз каким-то образом собирал всё это уже после карандаша.

Объяснение было сомнительное.

Но хорошее.

Сергей Борисович решил пока оставить его себе.

Самое удивительное заключалось в другом: он почти перестал видеть штрихи.

Обычно хороший рисунок всё равно оставался рисунком. Можно было подойти ближе и обнаружить линии, растушёвку, нажим карандаша, маленькие хитрости руки. Здесь при приближении лицо не распадалось на технику.

Оно продолжало быть лицом.

Живым настолько, насколько вообще может быть живым лицо человека, которого уже нет.

Сергей Борисович задержал карандаш над листом.

Оставались плечи.

Он собирался продолжить, но рука почему-то не опустилась.

Что-то было не так.

Он посмотрел на нижнюю часть портрета и вдруг совершенно ясно почувствовал границу — словно поперёк листа уже прошла невидимая диагональная линия, немного снизу

сверху, и всё, что находилось за ней, рисунку больше не принадлежало.

Продолжить означало испортить.

Сергей Борисович никогда особенно не доверял подобным художественным озарениям. Обычно вслед за ними выяснялось, что человек просто устал или ему хотелось выпить. Но сейчас ощущение было настолько точным, что спорить не хотелось.

Он убрал карандаш.

Из-за оборванного плеча портрет приобрёл какую-то странную незаконченность, почти траурную. На секунду Сергей Борисович вспомнил, что женщины на фотографии уже нет, и ему даже привиделось в этой диагонали что-то похожее на ленту, которой отделяют человека от оставшейся жизни.

Мысль ему не понравилась.

Он тут же придумал другую.

Не лента. Срез души.

Не всякого человека обязательно дорисовывать до самого края бумаги. Иногда достаточно лица, небольшого движения плеча и нескольких линий, чтобы всё остальное зритель достроил сам.

Сергей Борисович удовлетворённо откинулся на спинку складного стула.

Работа получилась великолепная.

Сергей Борисович достал из кармана маленькую баночку

масляной краски «Новая жизнь», обмакнул в неё указательный палец и оставил в нижнем углу рисунка отпечаток, который считал куда более надёжным подтверждением авторства, чем обыкновенная подпись.

И впервые за очень долгое время он подумал это без привычного внутреннего «ну, допустим».

По дорожке уже возвращались отец с дочерью.

Девочка увидела рисунок первой.

Она отпустила руку отца и сделала несколько быстрых шагов вперёд, но почти сразу остановилась.

Улыбка исчезла.

Сергей Борисович ожидал восторга, потом удивления, в крайнем случае детского замечания о том, что нос получился не такой. Однако девочка смотрела на лист совершенно неподвижно, и лицо её постепенно менялось.

Потом она попятилась.

Отец подошёл следом, держа в одной руке два стаканчика кофе. Его взгляд скользнул по рисунку — и мужчина будто споткнулся, хотя стоял на ровном месте.

Один стаканчик качнулся.

Несколько капель упали ему на пальцы, но он словно не почувствовал горячего.

Сергей Борисович перевёл взгляд с него на портрет.

На портрете по-прежнему была женщина.

Та же улыбка. Те же глаза. Те же мягкие переходы, которыми он ещё минуту назад любовался.

Он не понимал.

Девочка вдруг прижалась к отцовской ноге и заплакала уже совсем иначе, чем прежде — без улыбки, спрятав лицо в его одежду.

Мужчина обнял её свободной рукой.

Когда он поднял глаза на Сергея Борисовича, в них уже не было ни просьбы, ни благодарности, ни прежней неловкости.

Там была злость.

Такая чистая и внезапная, что Сергей Борисович машинально отодвинулся.

— Что?

Мужчина ничего ему не объяснил. Он только забрал планшет со стула, убрал его под руку и наклонился к дочери, стараясь говорить спокойнее, чем позволял его голос.

— Пойдём отсюда.

Девочка ещё раз посмотрела на рисунок и тут же снова отвернулась.

Отец повёл её прочь, но через несколько шагов остановился и, не оборачиваясь к Сергею Борисовичу, тихо проговорил, чтобы слышала главным образом дочь:

— Не обращай внимания. В парках всякие люди бывают. Иногда человек сам не понимает, что делает.

Последнюю фразу он произнёс уже жёстче.

Сергей Борисович хотел окликнуть его, потребовать объяснений, показать рисунок ещё раз и, возможно, даже немного оскорбиться как художник мирового уровня, однако ни-

чего из этого не сделал.

Он только смотрел им вслед.

Когда отец с дочерью скрылись за деревьями, Сергей Борисович снова повернулся к работе.

Женщина всё ещё смотрела на него с листа.

— Чего им не понравилось-то?

Он поднёс рисунок ближе.

Лицо получилось прекрасно.

Нет, не просто хорошо — это, пожалуй, была одна из лучших его работ. И если люди теперь плачут от качественно нарисованных портретов, то проблема здесь уже явно не в художнике.

Сергей Борисович подумал, что, наверное, пора сменить место.

День с самого начала получался какой-то подозрительно насыщенный. Возможно, ретроградный Меркурий опять куда-нибудь залетел. Сергей Борисович не особенно понимал, что такое ретроградный Меркурий и куда именно он обычно залетает, но люди часто объясняли им всякую ерунду, а потому планета вполне годилась и для этого случая.

Да и вообще людей понять было трудно.

Просили портрет — получили портрет.

Красивый.

Бесплатно, между прочим.

Хотя нет.

Сергей Борисович вспомнил о двадцати тысячах и сразу

почувствовал себя несколько лучше.

Он начал собираться.

Карандаши отправились в коробку, ластик — в карман, планшет для бумаги он положил рядом с сумкой. Складной стул пришлось встряхнуть: к одной ножке прилип мокрый лист.

Сергей Борисович нагнулся за ним.

И краем глаза заметил на рисунке движение.

Он замер.

Поначалу решил, что по бумаге прошла тень от ветки.

Поднялся.

Посмотрел.

Женщины на портрете больше не было.

Сергей Борисович медленно выпрямился, не выпуская листа из рук.

На бумаге теперь был мужчина.

Тот самый, который несколько минут назад увёл отсюда дочь.

Сергей Борисович узнал его сразу — свитер, лицо, даже волосы были переданы его собственной рукой с той же невозможной точностью.

Только мужчина уже не стоял в парке.

Вокруг него смыкалась стая собак.

Рисунок показывал много подробностей: поза человека, который в смертный час отбивается в конвульсиях, множество тёмных тел собак вокруг и страшная ясность происхо-

дящего говорили достаточно.

Сергей Борисович так и стоял с рисунком в руках, не решаясь ни убрать его, ни посмотреть внимательнее. Рядом уже лежала раскрытая сумка, карандаши были кое-как собраны, складной стул сложен, оставалось только сунуть работу в папку и уйти.

По дорожке за спиной зажужжал электросамокат.

Сергей Борисович машинально посторонился, не опуская листа. Проезжавший мимо парень мельком посмотрел на рисунок, уже миновал его, но вдруг обернулся так резко, что самокат вильнул в сторону.

— Вот ты дед. Извращенец! — крикнул он с неподдельным восхищением и покатил дальше.

Сергей Борисович проводил его взглядом.

Потом снова посмотрел на рисунок.

Теперь уже совершенно точно было ясно: это видел не только он.

Глава 5

Домой они шли почти молча.

Маша несколько раз принималась что-то рассказывать, отвлекалась на собак, вывески и лужи после дождя, а потом снова замолкала, будто воспоминание о странном рисунке догоняло её посреди очередной мысли. Отец отвечал коротко, но старался улыбаться всякий раз, когда она смотрела на него.

Уже в квартире Маша оживилась.

Она сбросила ботинки, оставила их возле двери совершенно не там, где полагалось, и, пока отец снимал куртку, вдруг развернулась к нему.

— Пап, а давай сами ужин приготовим?

Он задержался возле вешалки чуть дольше необходимого, словно вопрос потребовал серьёзного решения. Потом заставил себя улыбнуться и кивнул.

— Давай. Что сегодня заказывают у нашего ресторана?

Маша тут же подняла руку, как школьница, которая знает правильный ответ.

— Яичницу.

Отец усмехнулся и взъерошил ей волосы.

— Отличный выбор. Тогда я сейчас переоденусь и приду помогать.

Это предложение Машу явно не устроило. Она уже мыс-

ленно распоряжалась собственной кухней и помощь воспринимала скорее как присутствие младшего персонала.

— Не надо пока помогать. Я сама яйца разобью, перец положу, как мама любила, и соли немножко. Потом вилкой всё перемешаю.

При слове «мама» отец едва заметно замер.

Только на мгновение.

Маша этого не заметила.

Он поднял руку, сложил большой и указательный пальцы наподобие игрушечного пистолета и прицелился в дочь.

— Ты лучший шеф-повар современности.

Маша расправила плечи.

— Да! И самый могущественный. Я как Танос, только шеф-повар.

Она щёлкнула пальцами, изображая исчезновение половины продуктов во вселенной, после чего подтащила к холодильнику стул.

Отец ещё несколько секунд смотрел на неё.

Потом отвернулся и пошёл в спальню.

Дверь за собой он прикрыл тихо.

И только тогда остановился.

Некоторое время он стоял посреди комнаты совершенно неподвижно, будто всё тело внезапно забыло, какое движение должно быть следующим.

Потом лицо дрогнуло.

Он зажал рот ладонью.

Первый звук всё равно прорвался между пальцами, и мужчина мгновенно согнулся, словно получил удар под рёбра. Он опустился на колени прямо возле кровати и прижал вторую ладонь к лицу, пытаясь дышать настолько тихо, чтобы Маша не услышала из кухни.

Слёзы текли сами.

Он не вытирал их.

В голове оставался только один вопрос, слишком короткий и потому особенно мучительный.

Почему?

Почему именно она?

Почему Анна?

Почему человек утром может спорить из-за носков, вечером выбирать продукты, обещать на выходных куда-нибудь съездить, а потом вдруг оказывается, что всё это было последним — только никто не предупредил?

Из кухни донёсся звон посуды.

Отец замер и прислушался.

Маша что-то напевала себе под нос.

Он стиснул зубы, дождался, пока дыхание немного выровняется, поднялся и подошёл к шкафу.

За стопкой одежды, под старым свитером Анны, лежала бутылка виски.

Он достал её быстро, почти сердито, словно она была виновата в том, что ему вообще приходится к ней тянуться. Открутил крышку и сделал несколько больших глотков пря-

мо из горлышка.

Жжение в горле хотя бы было понятным.

Его можно было назвать.

Он сел на край кровати и уставился в пол.

И тогда заметил дырку на большом пальце носка.

Несколько секунд мужчина смотрел на неё совершенно серьёзно.

Потом губы сами растянулись в улыбке.

— Ну конечно...

Анна терпеть не могла эти носки.

Она постоянно говорила ему, что нормальный взрослый человек способен заметить дыру раньше, чем из неё начинает здороваться палец. Выбрасывала старые пары, покупала новые, а он каким-то невероятным образом через неделю снова находил именно ту, которую она собиралась уничтожить.

Однажды Анна заявила, что после его смерти на надгробии напишет: «Наконец-то надел целые носки».

Он тихо засмеялся.

И почти сразу этот смех развалился.

Слёзы снова потекли по лицу.

Мужчина поднёс бутылку ко рту и сделал ещё несколько глотков, уже не чувствуя вкуса.

Маша.

Он закрыл глаза.

Машенька.

Если ему было настолько тяжело, что тогда происходило внутри неё?

Она ведь до сих пор иногда рассказывала маме что-нибудь перед сном. Просто смотрела на пустую сторону комнаты и рассказывала, как прошёл день.

Мужчина снова выпил.

Слишком поспешно.

Закашлялся, опустил бутылку, попытался отдышаться, но через несколько секунд опять поднёс её ко рту.

Потом просто лёг назад.

Бутылка осталась в расслабившейся руке, наклонилась, и немного виски пролилось на край кровати.

Так его и нашла Маша.

Она появилась в дверях бесшумно и некоторое время стояла, рассматривая отца.

Страх на её лице не было.

Скорее усталое детское недовольство тем, что взрослый опять сделал что-то неправильно.

Маша подошла к кровати, осторожно вытащила бутылку из его руки и нашла крышку на полу.

— Нехорошо так оставлять, — тихо сказала она, закручивая её.

Отец не отреагировал.

Маша отнесла бутылку к шкафу и, немного подумав, положила туда же, где она, уже знала её место: под мамин свитер.

Потом вернулась.

Отец лежал на спине, тяжело дыша, и сейчас казался Маше каким-то особенно большим и одновременно беспомощным.

Она посмотрела на него ещё немного, после чего словно что-то решила.

Ушла в свою комнату.

Вернулась с плюшевой собакой.

Поставила её возле кровати.

Снова ушла.

На этот раз принесла верблюда и серого волка. Верблюд занял место возле подушки, а волка Маша усадила у края кровати, развернув мордой к двери.

Она внимательно осмотрела получившуюся охрану.

— Смотрите за ним хорошо, — велела Маша игрушкам.
— Чтобы крепко спал.

Она поправила волка, который заваливался набок.

— Ему сейчас нелегко.

Оставив троих часовых выполнять службу, Маша вернулась на кухню.

Яичница теперь казалась ей несерьёзной.

Папа проснётся голодный, а от двух яиц разве наешься?

Нужен был суп.

Суп был настоящей едой. После супа человеку обычно становилось лучше — по крайней мере, мама говорила именно так.

Маша нашла кастрюлю, набрала воды и поставила её на плиту. Она уже собиралась решать, что именно должно превратить воду в суп, когда из комнаты зазвонил телефон.

Маша прислушалась.

Телефон продолжал звонить.

Она побежала обратно, нашла его возле кровати и посмотрела на экран.

«Бабушка».

Маша провела пальцем по экрану и прижала телефон к уху.

— Алло. Привет.

Голос бабушки сразу стал тревожным. Она спросила, вернулись ли они домой и всё ли хорошо.

Маша посмотрела на спящего отца и решила, что в целом всё действительно нормально.

— Да. Я сейчас суп буду готовить. Папа опять уснул.

На другом конце повисла короткая пауза.

Потом бабушка заговорила значительно мягче.

Она похвалила Машу, сказала, что та умница, но суп сегодня лучше приготовить у неё. Сейчас бабушка вызовет машину, Маша приедет, они вместе поедят, приготовят всё, что захочется, а потом уже решат, когда возвращаться.

Маша нахмурилась.

— А папа?

Бабушка объяснила, что папе сейчас лучше поспать одному.

Маша сразу стала серьёзной.

— Он не пьяный. Он просто устал. И выпил чуть-чуть.

Бабушка не стала спорить.

Только согласилась слишком быстро, тем особенным взрослым голосом, которым соглашаются вовсе не потому, что верят.

Она сказала Маше одеться и выйти к подъезду. Машина будет примерно через десять минут.

Маша ещё раз посмотрела на отца.

Возле него сидели собака, верблюд и серый волк.

Охрана была на месте.

— Хорошо, — решила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.